

© 2006 г. *О.В. Каширина*

О КУЛЬТУРЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

Известно, что большинство природных биологических ритмов, в соответствии с которыми мы живем, фактически повторяют основные периоды – день, месяц и год, – у каждого из которых есть свой небесный источник в виде вращения Земли и движения Солнца и Луны. Некоторые биологи считают, что связь между жизненными циклами и небесными ритмами устанавливается при помощи внутреннего таймера, точных биологических часов, позволяющих выжившему классу организмов лучше своих конкурентов знать, когда следует ожидать изменений окружающей среды – это эндогенная гипотеза. Наоборот, экзогенная гипотеза ощущения времени предполагает, что биологическая синхронизация обусловлена космическими стимулами и что чувство времени скрывается в той тайной связи между животным и природой, которую мы обычно называем инстинктом.

Однако сторонники и эндогенной, и экзогенной гипотез вынуждены признать, что биоритмическая активность определяется некими биологическими часами, существующими в каждом из нас, синхронизирующими колебания всех биологических организмов сегодня, с учетом возможных изменений завтра (от 2-суточных до месячных и других циклов). Таким образом, окружающая среда способна быть времязадатчиком лишь для настоящего и будущего организмов. Поэтому диалектика научного анализа природных процессов исходит из дуальности самой сущности биологических организмов (диалектика внутреннего и внешнего, настоящего и будущего и т.п.), т.е. причинно-следственного, объект-субъектного, пространственно-временного взаимодействия, возникающего в результате воздействия объекта на субъект. В этом сущность биологического детерминизма.

Только в обществе, с появлением памяти, совершенствованием чувства времени, возникает ощущение прошлого, т.е. цивилизационная среда. Именно в ней проявляется роль цивилизационных констант, сохраняющих в себе единство трех измерений: прошлого как традиции (преемственности), настоящего как действительного образа жизни (целостности) и будущего как реализации фундаментальной цели цивилизационной эволюции (целесообразности). Они позволяют расшифровать самость (self) как совокупность цивилизационных ориентаций личности. В зависимости от того, как расшифровать самость, воспринимается и истина жизни – основной внутренний мотив поведения. Рождение его позволяет говорить о цивилизационном детерминизме. Поскольку человек является живым существом, он не может отвергать диалектику биологического детерминизма, а дополняет ее триалектикой цивилизационного времени. Следовательно, цивилизационный детерминизм суть диалектико-триалектический. Такой взгляд требует переоценки философских ценностей.

Новый взгляд на цивилизационные процессы

Впервые проблемы переоценки философских ценностей в свете новых достижений науки и философии о пространстве-времени коснулся великий русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский: «Переоценка философских ценностей идет сейчас в новой небывалой исторической обстановке – в единой не национальной и не государственной только среде – в единой мировой организации человечества, созданной и поддерживающейся, прежде всего научной работой, научной техникой» [1, с. 299]. Трудно поверить, что это написано в 1931 г., когда человечество еще не вступило в эпоху глобализации, информационной революции и интернета. В.И. Вернадский ввел новые понятия в философию: время-пространство, время-процессы, неоднородность пространства-времени, симметрия и диссимметрия живого вещества, вектор – времени-пространства, обратимость-необратимость времени-процесса, текучесть пространства-времени, проблема «вчера-сегодня-завтра», правизна и левизна в живом организме и др. Все они имеют значение не только для изучения философских проблем естествознания, но и связанных с ними вопросов философии культуры, поскольку именно проблема времени, по его мнению, является тем основанием, которое объединяет естественнонаучное и гуманитарное знание, науку и философию.

Однако наибольшее значение для изучения цивилизационных процессов представляет научно-философское, синтезное понятие, введенное В.И. Вернадским, – «энергия человеческой культуры или культурная биогеохимическая энергия». К сожалению, всесторонней разработки это понятие до сих пор не получило ни в науке, ни в философии. Но именно с ним, на наш взгляд, связано новое понимание всех цивилизационных процессов как единого целого. «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется, – писал В.И. Вернадский. – Впервые в истории человечества интересы народных масс – *всех и каждого* – и *свободной мысли личности* определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*» [2, с. 240–241]. Итак, свободная мысль личности определяет жизнь человечества, а само оно, взятое в целом, становится мощной геологической силой, благодаря энергии человеческой культуры, соединяющей «вчера-сегодня-завтра» в одном мгновении.

На рубеже третьего тысячелетия последователь В.И. Вернадского, выдающийся отечественный ученый и философ Н.Н. Моисеев (1917 – 2000) писал о необходимости пересмотреть устоявшиеся в западной философии взгляды на цивилизационные процессы. Он считал, что некоторые факты последних десятилетий побуждают по-новому взглянуть на правомер-

ность разделения цивилизаций на техногенные и традиционные. Вопрос следует поставить по-другому: те ли характеристики закладываются в определение и классификацию цивилизаций? Справедливо ли связывать представление о техногенной цивилизации с Европой и современным христианским миром?

«Для понимания цивилизационных процессов в рассматриваемом ключе, – писал Моисеев, – мне кажутся весьма важными принципы взаимоотношений личности и общества, которые глубоко запрятаны в общественном сознании и, вероятно, являются одной из наиболее консервативных его составляющих» [3, с. 220]. Разброс цивилизаций на основе этой характеристики, как он считал, будет очень широк. На одном крайнем фланге окажутся те общества, в которых предельно развит *принцип индивидуализма* и особенно сильно проявляется стремление к независимости личности от общества. В идеале – это общество анархистов, где, по идее, должна быть обеспечена полная свобода личности. На другом фланге будут общества, стоящие на принципах *абсолютного коллективизма*, т.е. полного подчинения личности обществу, его канонам, отвечающие идеалам утопистов или надеждам на коммунистическое послезавтра. Такие общества можно было бы, наверное, назвать *термитоподобными*. Промежуточное положение займет все разнообразие остальных форм взаимоотношений отдельной личности и общества.

Итак, в основу анализа цивилизационных процессов надо положить, как справедливо считает Моисеев, не принципы техногенности и традиционности, а взаимодействия личности и общества. Развивая принципы обоснованного им Универсального эволюционизма, он писал: «Логика взаимодействия цивилизаций, основанная не на их стандартизации, а на учете их различий, – это очередная страница логики истории. И она отвечает логике Природы» [4, с. 220]. Однако как выделить протоки *в реке жизни*? Как изучить их индивидуальные особенности и их влияние на другие протоки? Какова в их судьбе роль отдельного человека? В этом нам помогает «фильтр временного масштаба», писал Моисеев. Назовем этот фильтр *сравнительным времяведением*.

Однако философия не может ограничиться лишь изучением прошлого. Из него вырастает будущее. Не только сравнительное, но и *умозрительное времяведение* приближает нас к решению проблемы оснований цивилизационного знания. С их помощью мы, опираясь на учение Вернадского, поставившим проблему «вчера–сегодня–завтра», различаем в цивилизационном процессе *преemptивность* как «бессмертное прошлое» (А.Н. Уайтхед), *целостность* как акт настоящего и *целесообразность* как прогнозируемое будущее. Такой вывод нам позволяет сделать принцип единства сравнительного и умозрительного времяведения [5, с. 15–22].

Вплотную подошел к решению проблемы оснований цивилизационного знания наш современник и соотечественник, известный московский философ, автор концепций культуры самосознания, информационной Галактики,

цивилизационной самоидентификации и других актуальных в информационном обществе теорий – Л.В. Скворцов. Это решение он видит в обосновании *цивилизационного детерминизма* через разработку теории и метода цивилизационной самоидентификации, т.е. по существу через раскрытие взаимоотношений личности и общества, таким образом продолжая и развивая теории Вернадского и Моисеева.

Цивилизационный детерминизм: сущность и принципы

Сущность цивилизационного детерминизма проявляется в симбиозе цивилизационного времени с цивилизационным пространством в цивилизационной субстанции. На первый взгляд такая формулировка тривиальна и не несет в себе нового знания. Однако специфика цивилизационного детерминизма заключена в специфике цивилизационной субстанции, основанной на высоком потенциале энергии человеческой культуры. Именно этот потенциал и обеспечивает функциональную первичность цивилизационного времени в цивилизационной субстанции, определяет самоидентификацию и самореализацию субъекта в субъект-объектном, временно-пространственном взаимодействии с цивилизационной средой. Цивилизационный детерминизм, поэтому приобретает характер не простого диалектического взаимодействия, а в отличие от биологического и экономического детерминизма, – характер диалектико-триалектического взаимодействия. И если триединство цивилизационного времени на первый взгляд лежит на поверхности, то двуединая структура цивилизационного пространства «скрывается» в структуре цивилизационной субстанции.

Цивилизационная субстанция есть феномен культуры, в котором проявляется эффект слияния человека и среды. Эта среда есть и дом человека, и этнос, выражающий кровное, телесное и духовное родство, и местность, в которой он ощущает свой симбиоз с природой, и регион, в котором осуществляется его экономические, политические, идеологические и другие связи, и страна-цивилизация, с которой он себя идентифицирует. В ней он свободно ориентируется, функционирует, продуктивно реализует свои возможности и обретает смысл своей жизни.

«Цивилизационная субстанция, – пишет Скворцов, – в своей сущности является пространством всего многообразия реальных соответствий, которые образуют подвижное единство гармонии, постоянно воспроизводящей себя в конкретных формах деятельности. В цивилизационной субстанции объективность предмета и самость субъекта находятся в зависимости друг от друга. Выпадение субъекта из цивилизационной субстанции порождает различные формы его внутреннего и внешнего дискомфорта. С другой стороны, от самоидентификации субъекта как выражения его самости зависит состояние цивилизационной субстанции» [6, с. 26].

Цивилизационное время выражает единство прошлого и будущего в настоящем, слияние всех трех измерений времени «вчера–сегодня–завтра» в цивилизационной субстанции. Эта времяцелостность и позволяет видеть в настоящем единство исходных оснований цивилизации, начало и конец истории.

Цивилизационное время в отличие от астрономического, математического, химического, биологического и других устремлено в будущее. Именно в этом процессе и проявляется *цивилизационный детерминизм*, суть которого в сознательном воздействии на объект цивилизационного субъекта, осознающего свою *самость* (self). Самость есть совокупность цивилизационной ориентации личности и общности, цивилизационный смысл истины жизни, основной внутренней мотив поведения. Этим и отличается цивилизационный детерминизм от причинно-следственного взаимодействия, возникающего в результате воздействия объекта на субъект.

Итак, при характеристике цивилизационного детерминизма мы используем исходные категории: *цивилизационная субстанция* как феномен культуры, символизирующий цивилизационное пространство; *цивилизационное время*, выражающее единство всех трех измерений времени в цивилизационной субстанции; *сравнительное и умозрительное времяведение*; *цивилизационная среда* как времязататчик в развитии самости цивилизационных субъектов; *энергия человеческой культуры*, объясняющая единство «вчера–сегодня–завтра» в одном мгновении; *времяцелостность*, определяющая единство прошлого и будущего в настоящем; *синергетический эффект цивилизационного времени* и др.

Наряду с этими понятиями выделим главные принципы цивилизационного детерминизма, которые, на наш взгляд, имеют решающее значение для расшифровки личностной, региональной, цивилизационной самоидентификации субъекта: 1) *принцип единства объективности предмета самоидентификации и самости цивилизационного субъекта*; 2) *принцип функциональной первичности самости субъекта, его цивилизационного времени*; 3) *принцип единства сравнительного (научного) и умозрительного (философского) времяведения*; 4) *принцип культуры цивилизационного времени*, демонстрирующий себя как расширение пространства свободной самоидентификации субъекта при помощи устремленности в будущее.

Культура цивилизационного времени: тактические позиции и стратегические перспективы

Понятие «культура цивилизационного времени» отвечает тем принципам взаимоотношений личности и общества, которые кажутся весьма важными для понимания нового взгляда на цивилизационные процессы. *Культурность* и *цивилизованность* различаются в нем как единичное и всеобщее, как личностный смысл и общественное значение, как культура самосознания, самоидентификации субъекта, основанные на универсальных цивилизационных истинах и высших ценно-

стях жизни, и культура самосознания общества в целом, создающего эти истины и ценности.

Проблема культуры цивилизационного времени встает как проблема универсальных самоопределений человека, внутренней духовной самоорганизации личности для практической реализации стратегических целей и индивидуальных тактических задач. Специфика в том, что здесь культура понимается не как нечто внешнее для человека, созданное традицией и объективированное в предметах культуры – материальных и духовных, а как определение истинного пути формирования внутреннего мира человека, постижения смысла жизни – мощного внутреннего мотива поведения на основе общественных цивилизационных ценностей, как культура самосознания цивилизационного субъекта. Вместе с тем культура самосознания в этом контексте понимается как единство исторического, актуального и прожективного самосознания в каждый данный момент цивилизационного времени. Такое единство обеспечивает преемственность, целостность и целесообразность в самоидентификации и самореализации цивилизационного субъекта.

Цивилизационный субъект – это генерализованная реальность, а не отдельный индивид, и поэтому он может восприниматься через абстракцию. Но она выражает объективную сущность, в связи с чем отдельный индивид обретает новые качества – представителя семьи, тейпа, этноса, национально-государственного образования, определенного региона, страны цивилизации, человечества в целом – т.е. качества цивилизационного субъекта.

Таким образом, проблема культуры цивилизационного времени – это проблема культуры самосознания, самоидентификации и самореализации цивилизационного субъекта в современных условиях с учетом традиций, опыта и прогнозируемых целей, исходя из которых субъект определяет тактические позиции и стратегические перспективы.

Методологической основой для решения этой проблемы может служить синтезное мышление Вернадского, сочетающее сравнительное и умозрительное времяведение.

Сущность сравнительного времяведения, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, применяя «фильтр временного масштаба» к изучению цивилизационной субстанции, ее коллективно-пространственной горизонтали и индивидуально-временной вертикали, определить приоритеты прошлого, настоящего и будущего, а также способы их перегруппировки в своих тактических позициях. В этом случае триалектика тактики состоит в том, чтобы на основе культуры самосознания, констант его исторических, актуальных и прожективных элементов выявить возможные варианты оптимального сочетания преемственности и целесообразности для сохранения и развития целостности исторического субъекта.

Сущность умозрительного времяведения в этом контексте заключается в том, чтобы определить стратегические перспективы направляемого развития цивилизационных процессов, поддерживать желаемые

тенденции либо избежать тех или иных подводных камней или катастроф, способных увести в сторону поток развития событий. В этом случае диалектика стратегии состоит в том, чтобы выявить противоречия во взаимодействии логики *природы* и логики *общества*, увидеть пути их разрешения и достижения динамического равновесия.

Главное, что должно быть положено в основу сравнительно-умозрительного, научно-философского, диалектико-триалектического анализа природной и социальной действительности – это не позитивистская ментальность достижения собственного успеха любым путем, а гуманистическая ответственность перед будущими поколениями. Только в этом случае достигается *ясность цивилизационного смысла*, существующая как данность прошлого и как основание образа жизни в настоящем. И это единство прошлого и настоящего есть предпосылка уверенности в будущем, правильности стратегических перспектив.

На индивидуальном уровне в содержательной структуре трех измерений цивилизационного времени возникает все многообразие личностных смыслов, определяющих в конечном итоге тактические позиции цивилизационного субъекта. Именно эти смыслы имеют абсолютное значение для человека и делают его верным своей клятве, своему слову, преданным своей семье и своему Отечеству. Именно они и представляют ту невидимую связующую силу, которая создает реальность народа как целого, как продолжающуюся константу всех трех измерений времени: прошлого, настоящего и будущего.

Решая проблему культуры цивилизационного времени, мы должны понять, существует ли у цивилизационного субъекта моральный долг перед будущими поколениями? Возможны ли объективные основания обязательств перед реальностью, *которой еще нет*? Иными словами, может ли виртуальная реальность быть более действительной, чем реальность настоящего? Все эти вопросы ставят проблему культуры цивилизационного времени как проблему стратегии жизни, его главного направления.

С позиции цивилизационного детерминизма, одним из принципов которого является культура цивилизационного времени, цивилизация – это реальность, заключающая в себе все три измерения времени. В этом случае сохранность цивилизации как целого, а значит, и забота о всех будущих поколениях, оказываются приоритетными.

В этом контексте увеличивается *роль философского диагноза цивилизационного времени*, поскольку диагностика времени – это функция социального и индивидуального самосознания человека, это выражение его самости. Она заключается в том, что присутствующая самосознанию *времяцелостность* структурируется в соответствии с единицами времени, являющимися виртуальными константами. Продуктом этого процесса выступает *диагноз* времени, который в свою очередь структурирует процесс самосознания, выделяет в нем структуры-состояния, секунды, часы, различные периоды, эпохи, эры, благодаря чему можно

исследовать историческое, актуальное и прожективное общественное и индивидуальное самосознание как структуры-состояния, их взаимодействие и взаимообусловленность [7, с. 174–177].

Философский диагноз цивилизационного времени поможет заострить внимание на устранении фрагментации сознания за счет *времяцелостности*, на достижении ясности цивилизационного смысла самоидентификации, на устремленности в будущее как расширении пространства свободной самоидентификации, выяснить специфику новой цивилизационной ситуации в Северо-Кавказском регионе.

Проблема региональной самоидентификации Северного Кавказа в свете культуры цивилизационного времени

Культура цивилизационного времени, являясь одним из принципов цивилизационного детерминизма, не может рассматриваться в отрыве от других его принципов. Попытаемся показать это на примере региональной самоидентификации Северного Кавказа.

Принцип единства объективности предмета и самости субъекта позволяет сделать анализ влияния такого внешнего фактора, как развал СССР, на формирование современной ситуации в цивилизационном пространстве региона. Он позволяет рассмотреть *неодновременность формирования коллективно-пространственной горизонтальной цивилизационной субстанции*. На деле рассмотрение *неодновременности* означает описание таких ее индикаторов, как например, «большая» и «малая» Родина, конфликты миграции, демодернизация, социальная провокация, исход из региона альтернативных сил и др.

Принцип функциональной первичности самости субъекта, его цивилизационного времени объясняет действие такого внутреннего фактора, как вспышка цивилизационно-этнографического романтизма, раскрывающего природу не только конфликта в Чечне, но и некоторого усиления центробежных сил в регионе. Он позволяет диагностировать *индивидуально-временную вертикаль самости субъекта*, процесс устранения фрагментации его самосознания и достижения ясности цивилизационного смысла на основе *времяцелостности* «вчера–сегодня–завтра». На практике диагноз индивидуально-временной вертикали цивилизационного субъекта означает описание как традиционных, так и новых форм и границ самоидентификации, анализ такого радикального изменения социальных связей и институтов, при котором приобретает, усиливается или утрачивается способность личностей и человеческих коллективов к самоорганизации, обеспечивается функционирование властной вертикали, расцветает или, наоборот, узурпируется ментальный мир упрощенными и ограниченными версиями происходящего как в прошлом, так и в настоящем и др.

Принцип культуры цивилизационного времени открывает путь к пониманию диахронности и глобальности цивилизационной ситуации. Такая культура,

являющаяся продуктом культуры самосознания цивилизационного субъекта, демонстрирует себя в качестве принципа расширения пространства свободной самоидентификации субъекта при помощи устремленности в будущее. Речь идет о том, что Россия как страна-цивилизация может и должна возродиться в качестве осознающего свое высокое достоинство субъекта истории лишь в том случае, если автохтонные народы в регионах нашей страны будут идентифицировать себя устремленными в будущее в составе единой России.

Регион как феномен культуры может быть рассмотрен во всем многообразии реальных отношений лишь в качестве цивилизационной субстанции. Изучение региона как феномена культуры исключительно важно не только в научном плане, но и для практических работников управленческой сферы деятельности, особенно в связи с созданием местного самоуправления в регионах в свете закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В Ставропольском крае он уже введен в действие, и здесь местное самоуправление развивается достаточно успешно. Хотя всем остальным регионам РФ еще предстоит внедрение в жизнь основных его положений, но уже сейчас ясно, что за бортом осталось много нерешенных проблем практического и теоретического плана. Например, по оценкам Минфина, сумма расходных обязательств муниципалитетов в 2006 г. составит около 747,2 млрд р., а расчетная налоговая база даст муниципалитетам всего 483,3 млрд р. На уровень самоокупаемости, таким образом, выйдет не более 10 % муниципалитетов [8]. И это при том, что вновь образуемые муниципальные поселения понимаются лишь как самоокупаемые экономические единицы.

На наш взгляд, многие недостатки в практической деятельности по созданию муниципальных поселений, других региональных образований связаны с недоразработкой теоретических проблем регионалистики, в частности, с самим пониманием региона как феномена культуры и цивилизационной субстанции, а не только в качестве экономической единицы, как это свойственно экономическому детерминизму.

«Понятие „регион” не является застывшим, строго математически очерченным, – пишет Р.Х. Симонян. – Это может быть и внутригосударственное, и межгосударственное образование, а один регион может входить в состав другого, более крупного региона. То есть данная категория универсальна, операциональна и продуктивна настолько, насколько универсальна, операциональна и продуктивна в принципе любая типология и классификация в области социального знания. А региональные особенности представляют собой совокупность природных, социально-экономических, культурных институциональных условий, сложившихся в регионе и отличающих его от других регионов» [9, с. 24]. Это верно и по отношению к Кавказу в целом, и к Северному Кавказу в частности.

Кавказ превратился в эпицентр широкомасштабных событий и процессов всемирно-исторического

значения. Неожиданно здесь завязались сложные узлы местных, региональных и глобальных проблем. Он оказался в фокусе интересов России, Западной Европы, США, а также влиятельных государств Востока – Ирана и Турции и других, претендующих на роль региональных лидеров. Растущее внимание уделяют региону Китай, Япония и др. Все это делает Кавказ важным перекрестком для нескольких крупномасштабных проектов, требующих сотрудничества стран всего евразийского континента.

Поскольку многие угрозы национальной безопасности России исходят изнутри ее самой, особую актуальность приобретают способность и готовность оперативно и адекватно реагировать не только на внешние вызовы, но и на внутренние, бросаемые экстремистскими и сепаратистскими силами. На Северном Кавказе все споры, противоречия и конфликты, характерные для Российской Федерации в целом, проявляются в наиболее запутанной форме. С этой точки зрения именно здесь в настоящее время во многом проходят испытания на прочность российская государственность и российский федерализм.

Однако многообразие и многовекторность самоидентификации цивилизационных субъектов порождает многопространственность и многовременность коллективно-пространственной горизонтали общественного развития. Иначе говоря, понятие «коллективно-пространственная горизонталь» означает *неодновременность современности*. Этот тезис требует пояснения.

Впервые феномен неодновременности в политическом и социологическом аспектах описал немецкий философ, социолог, писатель, музыковед Э. Блох (1885 – 1977) в книге «Наследство нашего времени» (1935). Исследователь творчества Э. Блоха С.Е. Вершинин из Екатеринбурга называет эту концепцию «*социальной теорией неодновременности*» и квалифицирует ее в качестве «*диагноза современности*».

Рассматривая этот феномен применительно к постсоветскому обществу, Вершинин называет неодновременность «основой децентрализации» и «одной из объективных тенденций процесса трансформации российского постсоветского общества». Он, в частности, пишет: «Неодновременность как асинхронность и несовременность функционирования и развития определенных социальных групп, культур, отдельных индивидов относительно друг друга является фундаментальным свойством социальной жизни любого общества. Неодновременны течения и события внутренней и внешней жизни молодых людей и стариков, женщин и мужчин. Неодновременны различные религиозные традиции, имеющие свои системы летоисчисления, специфические культуры и ритуалы. Неодновременны различные общества и культуры, сосуществующие в рамках какой-либо исторической эпохи...»

Непрерывающиеся интерпретации индивидами и группами действий других индивидов и групп как «отсталых», «идуших в ногу со временем», «несовременных», «забегавших вперед» и т.п. свидетельствуют как о постоянном присутствии проблематики неодновременности в социальной жизни, так и о том,

что критерии одновременности могут быть совершенно различными» [10, с. 65–66].

Одновременность, по мнению Вершинина, означает не только констатацию факта сосуществования новых и старых социальных структур в данном настоящем, но и императив ориентации, настроенности на господствующую иерархию экономических, политических, культурных ценностей, мотиваций деятельности, этнических норм. С этой точки зрения проблема достижения социальной одновременности в аспекте социального управления выступает как *проблема синхронизации* действий различных социальных субъектов.

Применительно к нашей концепции коллективно-пространственной горизонтали цивилизационной среды социальная теория одновременности, выдвигнутая Блохом и развиваемая Вершининым, может служить подтверждением существования феномена «неодновременной современности», а следовательно, допускает существование индивидуально-временной вертикали в цивилизационной среде каждого субъекта.

На основании вышеизложенного, приходим к следующим выводам:

1) коллективно-пространственная горизонталь есть современность, границы которой определяются по-разному каждым цивилизационным субъектом; эти границы и есть не что иное, как цивилизационное время субъекта, *индивидуально-временная вертикаль его цивилизационной среды*;

2) современность характеризуется индивидуальностью, множественностью способов и критериев датировки индивидуально-временной вертикали цивилизационного времени, что приводит к возникновению различных образов прошлого и будущего, с которыми идентифицируют себя и в которых живут различные индивиды и группы; в процессе самоидентификации субъект осознает смысл и значение не только настоящего, но прошлого и будущего;

3) при совпадении или тождестве отдельных сторон исторического, актуального или прожективного самосознания цивилизационных субъектов, т.е. при достижении определенной синхронизации их индивидуально-временных вертикалей возникает их солидарность как *возможность консолидированного социального взаимодействия*;

4) на основе солидарности в массовом актуальном самосознании возникает особая коллективно-пространственная горизонталь – цивилизационная среда региона, имеющая и свою индивидуально-временную вертикаль – *региональное время*;

5) в «точках пересечения» коллективно-пространственной горизонтали и индивидуально-временной вертикали цивилизационной среды разных масштабов, в актуальном, историческом или прожективном самосознании цивилизационных субъектов возникают пространственно-временные ситуации, образующие информационные ситуационные поля; константными образованиями этих полей являются феномены «малой» и «большой» Родины – главные синтезирующие образы различных уровней коллективно-пространствен-

ной горизонтали цивилизационной среды субъекта, имеющими прямое отношение к формированию державного (государственного) и регионального (местного) патриотизма.

Специфика формирования регионального времени у народов Северного Кавказа заключается в тесной связи прошлого и настоящего, что, несомненно, сказывается на представлениях о будущем. Например, известный ставропольский политолог А.М. Ерохин отмечает: «Северокавказские сообщества, восприняв большинство достижений цивилизации в готовом виде как заимствования из других культур, сохранили в неприкосновенности многие черты родового сообщества: семейственность (клановость), институты старейшин и уважаемых фамилий, главенство мужчин и подчиненное положение женщин; обычай кровной мести, жестокость в случае конфронтации с иными этническими группами, культ силы и т.д.» [11, с. 209].

В описанном Ерохиным феномене легко увидеть и еще одну уникальную черту регионального самосознания сообществ Северного Кавказа – *устремленность в социальное прошлое*, т.е. оживление и возрождение явлений в социальном настоящем, которые считались явлениями цивилизационного прошлого. В XX в. такая черта стала принимать грандиозные масштабы как реакция на устремленность в будущее. Некоторые исследователи, например А.А. Зиновьев, считают, что *произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на устремленных в будущее и устремленных в прошлое*. Устремленность в прошлое стала важным фактором жизни в частях человечества, страдающих от ее западнизации и глобализации. Характерным ее проявлением может служить фундаментализм. В посткоммунистической России она приняла гротескные формы, причем не только как реакция на тяжкие последствия западнизации, но и как реакция на коммунистическое прошлое [12, с. 300–307].

В этом отношении характерен факт запрета властями Чечни всех видов игорного бизнеса, как сообщали СМИ, по настоянию мусульманского духовенства. Чашу терпения, как отметил первый вице-премьер Кадыров, переполнил случай, когда целый милицкий взвод проиграл месячную зарплату в одном из игорных клубов. Этот запрет явился примером того, как традиция восстала против западнизации. Мы склонны считать, что *устремленность во времени* (в цивилизационное прошлое или цивилизационное будущее), в отличие от остановки исторического времени (восприятие бытия в бесконечно длящемся настоящем), *для данной человеческой общности и отдельного ее представителя всегда более позитивна и прогрессивна*. Она расширяет поле свободной самоидентификации, что связано с их памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции, избегать или воспринимать новшества, со способностью предвидеть будущие события и последствия своей деятельности, со способностью считаться с прошлым и будущим в их настоящем.

Как считают многие исследователи, для народов Северного Кавказа устремленность в цивилизационное будущее могло бы обеспечить выполнение единого пер-

спективного проекта развития рекреационной индустрии. В пользу этого свидетельствуют природно-климатические условия и, что наиболее важно, гостевой комплекс в культуре всех автохтонных народов региона.

Таким образом, цивилизационный детерминизм, реализуясь в своих гуманистических принципах, представляет альтернативу позитивистской ментальности, основывающейся на принципах биологического, механистического, экономического детерминизма. Означает ли данная альтернатива полное отрицание всех предшествующих форм детерминизма? Является ли цивилизационный детерминизм воплощением постнеклассического, синтезного мышления? Помогают ли позиции цивилизационного детерминизма отдельным личностям и человеческим сообществам разного масштаба выработать тактические задачи и стратегические цели в условиях современности, трактуемой в качестве реальности, заключающей в себе все три измерения времени? На эти и многие и другие вопросы еще предстоит найти ответы.

«Философия никогда не решает загадки мира, – писал В.И. Вернадский. – Она – их ищет».

Поставив проблему *культуры цивилизационного времени*, мы попытались лишь в первом приближении охарактеризовать ее актуальность в теоретическом аспекте и злободневность в практическом плане, обратив на нее внимание ученых, философов, политологов, социологов – всех, кто занимается проблемами социального времени.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1988.
2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
3. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
4. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000.
5. *Каширин В.И., Каширина О.В.* Времяведение В.И. Вернадского // Вестн. Ставропольского государственного университета. 2003. Вып. 32. С. 15–22.
6. *Скворцов Л.В.* Россия перед проблемой цивилизационной самоидентификации: имперский комплекс или ответственность перед будущим? // Россия и мусульманский мир. М., 2004. № 10(148).
7. *Каширин В.И., Каширина О.В.* Диагноз времени: сущность и структура // Вестн. Российского философского общества. 2005. № 1(33).
8. Российская газета. 2005. 28 июля. № 163(3832).
9. *Симонян Р.Х.* От национально-государственных объединений к региональным (проблемы мезоуровня в организации общественных систем) // Вопросы философии. 2005. № 3.
10. *Вершинин С.Е.* Жизнь – это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001.
11. *Ерохин А.М.* Этнополитические аспекты трансформации российского общества. М., 2003.
12. *Зиновьев А.А.* Распутье. М., 2005.